

Символическое формирование регионов России: деколониальная роль постсоветской архитектуры

Аннотация

В своём исследовании я описываю архитектурные практики в регионах постсоветской России через постколониальную теоретическую рамку, связывая их с процессами децентрализации в 90-ые и 00-ые. Я изучаю роль архитектуры в производстве региональных и этнических идентичностей, даю определение и систематизирую деколониальные архитектурные практики. Я показываю, что постсоветская архитектура являлась инструментом в региональной символической политике, который использовался местными элитами для утверждения регионов в качестве уникальных и правомерных субъектов. Я обращаю внимание на гибридность таких архитектурных практик, которые были одновременно эмансипирующими и подавляющими, повышающими разнообразие страны и вводящими унификацию на малом масштабе, деколониальными и ориенталистскими. Наконец, я предлагаю концепцию «Символических режимов» для описания архитектуры в постсоветских городах, которая связывает политический, экономических и культурный контексты в каждом регионе с характерными для него архитектурными практиками.

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Производство регионов как российская деколониальность	4
Этапы производства регионов.....	5
Территориальный и институциональный этапы.....	6
Символический этап и постсоветский кризис идентичности.....	7
Глава 2. Деколониальная архитектура в России	9
Деколонизация архитектуры	9
Деколониальная архитектура как инструмент символической политики	12
Глава 3. Деколониальные архитектурные практики регионов	14
Дифференциация	14
Интеграция	18
Глава 4. Вместо стилей: региональные символические режимы	23
Количество агентов символической политики	23
Разнообразие взглядов агентов символической политики	24
Четыре символических режима.....	25
Глава 5. Выводы	27
Перспективы дальнейшего исследования	29

Введение

Постсоветская архитектура и урбанистика в России все чаще становится предметом внимания исследователей. Предложенная нами теория капиталистического романтизма (капром), описывающая период в архитектуре с 1989 по 2008 год, связала эстетические, объемно-планировочные и градостроительные практики с политическими, экономическими, социальными и идеологическими трансформациями, протекавшими на фоне краха государственных административно-командных систем и последующей интеграции в глобальную экономику и культуру¹. Однако на периферии архитектурных исследователей до сих пор остаются деколониальные процессы, которые происходили внутри регионов и в их отношениях с центром в это время.

Цель моего исследования — посмотреть на постсоветскую архитектурную практику через постколониальную оптику, и описать роль архитектуры в деколониальных и постколониальных трансформациях России. Соответственно, объектом исследования являются постсоветские деколониальные процессы в России, а предметом — архитектурные и градостроительные практики в регионах, которые были частью этих трансформаций. Что такое деколониальная архитектура в регионах России? — на этот исследовательский вопрос я отвечаю в своей работе.

В качестве концептуальной основы исследования я буду опираться на классиков пост- и деколониальной теории: Эдварда Саида² с его «Ориентализмом» и Хоми Бхабха с его «Location of Culture»³. Вместе с теорией «Внутренней колонизации» Александра Эткинда⁴ и размышлениями Сергея Абашина⁵, эти работы позволят мне определить деколониальность применительно к постсоветскому российскому контексту как процессы децентрализации и формирования субъектности регионов. Работы об идентичности и регионализме Бурдьё⁶ и Пааси⁷, вместе с описанием постсоветских регионов Владимира Гельмана⁸, помогут мне понять формирование регионов в России и оценить роль символов в этих процессах. Наконец, работы специалистов в области Urban Studies Динера и Хагена⁹ применительно к трансформации постсоциалистических городов, и рефлексия об

¹ Семенов А. В., Веретенников Д. И., Малышев Г. Н. Десять тезисов архитектуры капиталистического романтизма // МЕСМАХЕРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2020. – 2020. – С. 102-105.

² Said's, Edward. "Orientalism." (1978).

³ Bhabha, Homi K. The location of culture. routledge, 2012.

⁴ Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. – 2012. – С. 6-53.

⁵ Абашин С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики // Ab Imperio. – 2011. – Т. 2011. – №. 3. – С. 193-210.

⁶ Bourdieu, Pierre. "Identity and representation: Elements for a critical reflection on the idea of region." Language and symbolic power 223 (1991)

⁷ Paasi, Anssi. "The resurgence of the 'region' and 'regional identity': Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe." Review of international studies 35.S1 (2009): 121-146.

⁸ Гельман, Владимир Яковлевич. "Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики." Полис. Политические исследования 1 (1998): 87-105.

⁹ Diener, Alexander C., and Joshua Hagen. "From socialist to post-socialist cities: narrating the nation through urban space." Nationalities papers 41.4 (2013): 487-514.

регионалистской¹⁰ и постколониальной¹¹ архитектуре в других частях света, дадут мне возможность выявить и описать деколониальные архитектурные практики в России.

Результатом моей работы является определение деколониальности в постсоветской архитектуре, описание и систематизация деколониальных архитектурных практик на примерах региональных проектов, концептуализация региональных архитектур как «символических режимов» вместо общепринятых понятий «региональная школа» или «региональный стиль». Работа раскрывает роль архитектуры в символическом формировании постсоветских регионов и дает новый язык описания постсоветских архитектурных процессов.

¹⁰ Eggener K. L. Placing resistance: A critique of critical regionalism //Journal of Architectural Education. – 2002. – Т. 55. – №. 4. – С. 228-237.

¹¹ Patel, Ruchi. Architecture and identity: A study of colonial and post-colonial architecture in India. Diss. Iowa State University, 2021..

Глава 1. Производство регионов как российская деколониальность

Масштабы трансформаций в российском обществе, связанные с распадом СССР и становлении Российского государства как суверенного государства, огромны. В этом исследовании демократизация общественно-политической жизни и переход от командно-административной системы с плановой экономики к неолиберальному рыночному капитализму волнуют меня в меньшей степени, основной акцент я бы хотел сделать на динамике в региональной политике и архитектурной сфере. Очевидна взаимосвязанность всех этих процессов в переходный период, но на последних двух в своем тексте я хотел бы остановиться отдельно. Именно региональные политики, отношения между центром и регионами, становление регионов бывшей империи как самостоятельных субъектов — главный постколониальный сюжет, и именно он будет интересовать меня как поле архитектурных практик.

Распад империй на независимые государства — главный процесс внешней деколонизации. Однако для России, для которой была скорее характерна внутренняя колонизация¹², внутренним деколониализмом является децентрализация, регионализм в смысле перераспределения власти от центра к регионам.

Здесь важно разграничить постколониальность, как состояние контекста в деколонизирующихся регионах, и деколониальность, как практики освобождения от колониальных форм угнетения. В этом смысле децентрализация, федерализация — характерный для постколониальных стран тип региональной политики, который использовался во всех крупных государствах со сложным этно-конфессиональным составом на всех этапах распада колониальных империй: и в США, Аргентине, Австралии, Канаде в XIX веке, и в Индии, Эфиопии в веке XX, и др¹³, в России является деколониальным. И, хотя некоторыми схожими чертами постколониальной децентрализации обладала и региональная политика раннего СССР¹⁴, общим сегодня местом является оценка СССР как империи, продолжавшей колониальную политику под антиколониальными лозунгами¹⁵. Поэтому только процессы, связанные с распадом СССР, “парадом суверенитетов” и образованием автономных регионов и государств, можно считать деколониальными. Следовательно, к постсоветской Российской Федерации становится применима постколониальная исследовательская оптика, особенно в отношении внутренней колонизации. Учитывая значительные масштабы реальной федерализации страны и диверсификации региональных политических режимов в 90-ые¹⁶, а также принимая во внимание академическую дискуссию об ограничениях применимости постколониальной

¹² Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. – 2012. – С. 6-53.

¹³ Гуляков, А. Д. "Федерализация как всемирно-исторический процесс оптимизации государственного устройства." Федерализм: эволюция и современное состояние. 2016.

¹⁴ Martin, Terry Dean. The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Cornell University Press, 2001.

¹⁵ Edgar, Adrienne. "Bolshevism, patriarchy, and the nation: The Soviet “emancipation” of Muslim women in Pan-Islamic perspective." Slavic Review 65.2 (2006): 252-272.

¹⁶ Гельман, Владимир Яковлевич. "Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики." Полис. Политические исследования 1 (1998): 87-105.

теории к постсоветскому контексту¹⁷, я буду описывать как минимум первые полтора десятилетия российской политики как постколониальный период. Институциональные, политические и культурные процессы, направленные на децентрализацию власти и ресурсов, повышение автономии регионов и муниципалитетов, иначе говоря, процессы производства регионов как субъектов — я буду рассматривать как деколониальные.

Этапы производства регионов

Итак, производство регионов как автономных субъектов я рассматриваю в качестве главного деколониального процесса в России. Под регионом здесь я, вслед за Бурдьё, понимаю не только единицу административного самоуправления, а социальный конструкт, являющийся продуктом оспариваемых властных отношений и обладающий собственной коллективной идентичностью¹⁸. В этом смысле регионы кросс-масштабны: это может быть и муниципалитет, и город, и субъект РФ, и любая другая коллективная территориальная идентичность. Чтобы судить об успешности деколониальных трансформаций, обратимся к этапам производства регионов, предложенным Пааси¹⁹.

1. **Территориальное формирование.** Установление границ региона как пространственного различия одной территории от другой. Граница может быть как “жесткой” административной, так и “мягкой” воспринимаемой. Она может быть установлена как ad-hoc, так и основании исторической формы региона. Критерий успешности территориального этапа — широкое признание легитимности границ как внешними, так и внутренними акторами.
2. **Институциональное формирование.** Субъектность региона как формирование внутри него агентов, обладающий властью, ресурсами и легитимностью принимать решения от его имени. Для этого этапа важно наличие местных органов власти с признанным административным статусом, управляющих территорией в заданных границах. К этой фазе относится и работа региональных формальных и неформальных институтов, как местного способа “ведения дел”. Критериями успешности этапа являются: внешнее и внутреннее признание легитимности местных институтов и их реальная автономия в принятии решений.
3. **Символическое формирование.** Этот этап является ключевым с точки зрения производства легитимности территориальных границ и региональных институтов. С помощью символической власти региональные политические и культурные элиты производят символические внутренние сходства и внешние отличия региона, навязывая легитимность

¹⁷ Летняков Денис Эдуардович. "Постколониальная теория для постсоветского пространства: возможные ограничения" Каспийский регион: политика, экономика, культура, no. 3 (64), 2020, pp. 110-118.

¹⁸ Bourdieu, Pierre. "Identity and representation: Elements for a critical reflection on the idea of region." Language and symbolic power 223 (1991)

¹⁹ Paasi, Anssi. "The resurgence of the 'region' and 'regional identity': Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe." Review of international studies 35.S1 (2009): 121-146.

произведенного разделения мира, пытаясь заставить людей узнавать и видеть регион, и верить в него. На этом этапе происходит производство идентичности региона как совокупности отличительных свойств группы с привязкой к местности. Критерием успеха символического производства региона может являться принятие идентичности на индивидуальном уровне, присвоение себе групповых свойств и символов, обозначаемых как характерные для региона²⁰.

Важно отметить, что эти этапы не являются последовательными, а происходят параллельно или в любых различных порядках. Так, символическое формирование может предшествовать институциональному: в таком случае символическое разделение является способом групповой мобилизации, рождением коллективного субъекта для борьбы за институционализацию (самоуправление) и признание региональных границ. Кроме того, эти этапы никогда нельзя считать завершенными, скорее это длящийся изменчивый процесс, реагирующий на различные соотношения власти внутри и вне региона.

Территориальный и институциональный этапы в России

Символический старт децентрализации России был дан 6 августа 1990 года, когда Борис Ельцин, глава пока еще советской РСФСР произнес, обращаясь к региональным лидерам в Казани, свою знаменитую фразу «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить»²¹. Границы регионов внутри Российской Федерации во многом наследовали принятому в советские годы административному делению, однако те же территориальные единицы получили радикально новые полномочия в качестве субъектов РФ, подписав в 1992 федеративный договор. Образованные республики, края, области и округа, несмотря на декларируемое конституцией равноправие субъектов федерации, имели различный статус, поэтому федерализм в России принято считать ассиметричным²². Так, этнические автономии (АССР) утверждали себя в качестве национальных республик: суверенных государств, обладающих собственной конституцией, столицей, государственным языком. Статус преимущественно русских регионов, утвержденных в качестве областей, оказывался меньшим не только по ожиданиям от названия, но и по некоторым формальным полномочиям, что вызывало критику среди областных элит²³. Тем не менее, уровень институциональной автономии и децентрализации всех регионов по сравнению с советской вертикалью была огромной¹⁶.

²⁰ Hauge, Åshild Lappegard. "Identity and place: a critical comparison of three identity theories." *Architectural science review* 50.1 (2007): 44-51.

²¹ Ельцин, Борис. "Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить." [электронный ресурс]//Ельцин Центр [сайт].-URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/>(дата обращения: 20.10. 2018) (2015)

²² Сидоренко Анатолий Васильевич. "Этнический вызов российскому федерализму" Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, vol. 5, no. 1, 2009, pp. 100-115.

²³ Фадеичева М.А.. "Колония и терпение: внутренний неокOLONиализм и этнополитика на Урале" Дискурс-Пи, vol. 3, no. 1, 2003, pp. 46-48.

Жесткая иерархия системы, централизованной на Москву, была демонтирована как на уровне регионов, так и на уровне местного самоуправления с принятием в 1993 Конституции России, в которой была декларирована независимость муниципальной власти²⁴. К концу 90-ых Российская Федерация представляла собой институционализированное разнообразие региональных и местных режимов. Несмотря на то, что главы городов и регионов, местные парламенты, согласно конституции, избирались всеобщим голосованием, выборы не везде были альтернативными, существовал как региональный авторитаризм, так и региональные демократии²⁵. Такое разнообразие региональных статусов, институциональных полномочий и политических режимов лишь подтверждает горизонтальный характер региональной политики на ранних этапах существования постсоветской России, что позволяет нам утверждать о деколониальном характере процессов в стране.

Независимо от типа режима и статуса, к концу 90-ых годов регионы и муниципалитеты обрели официально признанные границы и правовые управленческие институты, были произведены региональные политические элиты²⁶. Таким образом, мы можем говорить о пройденном территориальном этапе формирования регионов и об активно идущем институциональном этапе, планомерном производстве региональной субъектности. Но признали ли сами жители свой регион? Считали ли установленные границы и институты легитимными? Иными словами, существовала или появилась ли у них региональная или местная идентичность? Без однозначных ответов на эти вопросы сложно говорить об окончательном утверждении регионов как субъектов социальной реальности.

Символический этап и постсоветский кризис идентичности

Кризис идентичности — характерный сюжет для постколониальных обществ²⁷. Постсоветская Россия не избежала подобной участи: макрополитическая идентичность “советский народ” так и не была интернализована гражданами СССР, а общероссийская гражданская идентичность “россияне” отсутствовала на момент формирования Российской Федерации, и, хоть и быстро стала популярным клише в официальных речах, неохотно присваивалась обществом²⁸. В условиях отсутствующей макрополитической идентичности начался рост этнического, локального и регионального самосознания²⁹. Наиболее активно этот процесс идёт в национальных республиках, где за счет демографических и миграционных процессов на протяжении всего постсоветского времени идет

²⁴ Видякин А.Г.. "Становление местного самоуправления в Российской Федерации" Контентус, no. 2 (55), 2017, pp. 1-12.

²⁵ Баранов А.В.. "Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии" Южно-российский журнал социальных наук, no. 4, 2012, pp. 62-73

²⁶ Магомедов Арбахан Курбанович. "Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России" Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология, vol. 11, no. 2, 2011, pp. 61-71.

²⁷ Dizayi, Saman Abdulqadir. "Locating identity crisis in postcolonial theory: Fanon and Said." Journal of Advanced Research in Social Sciences 2.1 (2019): 79-86.

²⁸ Малинова, Ольга Юрьевна. "Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России." ПОЛИС. Политические исследования 2 (2010): 90-105.

²⁹ Туровский, Р. Ф. "Региональная идентичность в современной России." Российское общество: становление демократических ценностей (1999): 87-136

увеличение доли “титульного этноса”, а русские становятся этническим меньшинством³⁰. Однако институциональный фрейминг региона как этнической республики приводит к “воспринимаемой дискриминации” среди представителей национальных меньшинств, региональная и этническая идентичности в таких случаях вступают в противоречие³¹. В областях и краях, не имеющих статуса национальной республики и с преимущественно русским или смешанным этническим составом региональная идентичность выражена слабее, уступая местной идентичности вокруг крупных городов-столиц области³². Помимо этого, развиваются и региональные идентичности, не совпадающие с административными границами регионов: Уральцы, Казаки, Поморы, Сибиряки, Кавказцы, Дальневосточники и тд.³⁰, выступающие в том числе с республиканскими устремлениями, направленные на институционализацию этих регионов³².

Таким образом, рано говорить о том, что большинство регионов и муниципалитетов имеют стабильные территориальные идентичности. Усилия по их стабилизации, контролю, привязке к административным границам предпринимались региональными политическими элитами с момента начала территориального и институционального этапов формирования регионов²⁶. Как показано выше, параллельно происходило оспаривание видения регионов со стороны других региональных групп: этнических, культурных элит. Эти усилия можно обозначить как бои за идентичность³³, или символический этап формирования региона³⁴. Именно на этом этапе архитектура играет свою определяющую роль.

³⁰ Streletsky, Vladimir N. "Ethnic, confessional and cultural patterns of regionalism in the post-Soviet Russia." *Hungarian Geographical Bulletin* 66.3 (2017): 219-233.

³¹ Лепшокова, Зарина Хизировна, and Надежда Михайловна Лебедева. "Воспринимаемая дискриминация и аккультурация русских на Северном Кавказе (несовместимость этнической и региональной идентичностей)." *Общественные науки и современность* 6 (2016): 125.

³² Макарова Гузель Ильясовна. "Взгляд на региональную идентичность: к программе социологического исследования" *Oriental Studies*, no. 1 (29), 2017, pp. 84-94.

³³ Евстифеев Р.В. Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики. *Философские науки*. 2016;(1):88-95.

³⁴ Paasi, Anssi. "The resurgence of the 'region' and 'regional identity': Theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe." *Review of international studies* 35.S1 (2009): 121-146.

Глава 2. Деколониальная архитектура в России

Принимая деколониальность в России как процесс производства регионов как легитимных территорий, обладающих институционализированной субъектностью и идентичностью, можно сформулировать критерии, по которым архитектурные процессы могут считаться деколониальными.

Во-первых, деколониальная архитектурная деятельность поддерживает институциональное формирование региона, то есть его субъектность. Это значит, что она существует в региональном институциональном поле, является выражением воли региона как коллективного субъекта. Причем не важно, говорит ли от его имени региональная политическая элита или любая другая группа или индивид внутри региона, главное, что эта воля не является навязанной извне. Здесь важно оговориться, что субъектность региона далеко не всегда является субъектностью его жителей — в случае регионального авторитаризма от имени региона говорит политическая элита, которая может принимать решения, например, из интересов сохранения собственной власти, ставя целью легитимацию своего режима, а не руководствуясь интересами жителей региона. Тем не менее, демократичность региональной власти совсем не необходимый критерий деколониальности: вопросы внутрирегиональных иерархий и систем угнетения в постколониальной оптике вторичны по отношению к преодолению эксплуатационной зависимости региона от метрополии³⁵.

Во-вторых, деколониальная архитектурная деятельность поддерживает символическое формирование региона, то есть его участвует в производстве его идентичности, укрепляя внутренние символические сходства и внешние отличия, таким образом заставляя как жителей региона, так и внешних наблюдателей поверить и признать его существование как отдельной, автономной территориальной и коллективной сущности с некими особенными характерными чертами (символами).

Исходя из этого определения становится ясно, что для возникновения деколониальной архитектуры в сфере должны были произойти важные институциональные трансформации, которые можно назвать деколонизацией архитектуры.

Деколонизация архитектуры

Архитектура не является автономной сферой, напротив, она напрямую зависит от экономических и политических сил и институций, поэтому постсоветское институциональное формирование регионов как субъектов федерации не могло кардинальным образом не отразиться на архитектурной деятельности. Потому для изучения деколониальной архитектуры в регионах необходимо сначала разобраться с институциональным контекстом: насколько субъектны стали регионы в архитектурной деятельности после распада СССР? Именно институты, такие как правовые нормы, регулирующие архитектурную деятельность, наделяют региональных заказчиков правом самим формировать заказ на производство пространства, задают степень свободы в выборе

³⁵ Абашин С.Н.. “Деколонизация освобождает от одних зависимостей, но несет другие” [электронный ресурс]//Perito Media [сайт].-URL: <https://perito.media/>(дата обращения: 20.03. 2023) (2023).

расположения, функции и внешнего вида объекта. Именно институты создают регионального субъекта символического политики. Как происходила деколонизация архитектуры как института и сферы деятельности?

Под деколонизацией архитектуры я буду понимать институциональное перераспределение архитектурной (а значит и символической) власти от центра к регионам. Показатели успеха в этом являются:

- Наличие у региона собственной экономики и региональных властных субъектов, имеющих право самостоятельного распределения региональных бюджетов
- Наличие внутри региона частных заказчиков
- Наличие в регионе строительного комплекса
- Наличие внутри региона архитектурных и градостроительных компетенций (бюро), имеющих возможности осуществлять проектирование для местного заказчика
- Наличие внутри региона институтов архитектурного и градостроительного образования
- Наличие у регионов собственных инструментов правового регулирования архитектурной и градостроительной деятельности, пространственного планирования

В таких институциональных условиях региональные игроки в полной мере могут реализовывать свою волю в символическом формировании региона с помощью архитектуры. И, хотя и в каждом регионе РФ процессы институционального формирования шли по-разному и объем ресурсов был различен, с конца 80ых такие институциональные условия для возникновения деколониальной архитектуры начинали складываться.

В 1987 году, на заре перестройки, было выпущено постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от N 1058 «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства». В нем официально констатировалась пагубность чрезмерной централизации типового проектирования, проблематизировалось однообразие застройки городов в регионах, осуждалось игнорирование “национально-бытовых” особенностей и природно-климатических условий районов строительства³⁶. Так впервые на государственном уровне была признана ошибочность централизационных практик советского модернизма, курс на деколонизацию архитектурно-градостроительной сферы был обозначен.

В 1988 году законом СССР N 8998-XI «О кооперации» была разрешена частная архитектурная практика. В формате кооперативов на базе мастерских проектных институтов, до этого подчиненных жесткой вертикали, возникают частные архитектурные бюро³⁷, в том числе и в регионах. Творческая свобода архитекторов на местах, до этого жестко связанных не только нормами стандартизации, но и вертикальной иерархией системы проектирования, теперь ограничена лишь рыночными отношениями.

³⁶ Давиташвили, Георгий. “Архитектура последних времен” [электронный ресурс]//Sygma [сайт].-URL: <https://syg.ma/@george-morieli/arkhitiektura-posliednikh-vriemien/> (дата обращения: 20.03. 2023) (2022).

³⁷ Ильевская Мария Михайловна. "Технологии проектирования как комплексный фактор развития архитектуры постсоветского периода" Architecture and Modern Information Technologies, no. 3 (60), 2022, pp. 65-73. doi:10.24412/1998-4839-2022-3-65-73

Становление региональных архитектурных школ — результат колониальной модернизации СССР как “империи позитивного действия”³⁸. Если до революции архитектурное образование можно было получить лишь в столицах, то за годы советской власти архитектурные факультеты в ВУЗах появились в десятках городов, что во многом являлось ответом на острую потребность в кадрах на фоне послевоенного строительного бума³⁹. Постановлением N 1058 с 1988 года на базе архитектурных факультетов в регионах стали формироваться независимые архитектурные институты⁴⁰, а затем и целые университеты. Несмотря на жесткую централизацию процесса проектирования в позднем СССР, именно в архитектурных ВУЗах по всей РСФСР рождаются первые регионалистские концепции, видения символической идентичности городов и регионов, авторские архитектурные проекты, которые в 90ые из бумажных станут реальными^{41 42}.

Начатая в 1991 году приватизация предприятий строительного комплекса⁴³ привела к значительному обособлению региональных строительных рынков, формированию региональных строительных кластеров⁴⁴. Децентрализация российской экономики, переход от командно-административной системы к рыночной, ликвидация Госплана как главного распределительного-контрольного центра — все это привело к возникновению в 90ые региональных и муниципальных бюджетов, пусть и с разным уровнем автономии от федеральных дотаций и часто полагающихся на неформальные механизмы перераспределения⁴⁵. Тем не менее, таких условиях стало возможно появление в регионах собственных заказчиков строительства и собственных строительных ресурсов.

Наконец, с падением СССР началась трансформация норм в области архитектурного проектирования и градостроительного планирования. Жесткое регулирование архитектурной деятельности системой общесоюзных СНиП (строительные нормы и правила) основывалось на нуждах централизованной плановой экономики⁴⁶. Стандарты и нормы, принимаемые в московских институтах, не предполагали какой-либо значимой региональной вариативности и спускались “вниз” по иерархической цепочке, являясь по своей сути колониальным способом управления⁴⁶. В 1994 году

³⁸ Мартин, Терри, and К. Суворовой. "Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?". *Ab imperio* 2002.2 (2002): 55-87.

³⁹ Успенская, А. М. "Развитие архитектурных школ СССР." Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ. 2018.

⁴⁰ Есаулов, Г. В.. "Из истории архитектурного образования в России. Памяти ГИ Пустоветова." *ACADEMIA. АРХИТЕКТУРА И СТРОИТЕЛЬСТВО*. Учредители: Российская академия архитектуры и строительных наук 4: 134.

⁴¹ Савицкая, Алиса, and Артем Филатов. "В одном шаге от политики. Нижегородская архитектурная школа 1990-х и нижегородское уличное искусство в 2010-х годах." *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 2 (2019): 167-177.

⁴² Корзун, Алла. "У истоков архитектурной школы Иркутска." *Проект Байкал* 17.64 (2020): 74-79.

⁴³ Azowcaw, K. A. "О некоторых аспектах перехода строительного комплекса СССР к рыночным отношениям." (1993).

⁴⁴ Белоусова, Лариса Сергеевна. Управление развитием регионального строительного комплекса. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук, Институт проблем региональной экономики РАН, СПб, 2010.

⁴⁵ Зубаревич Н.В.. "Региональное развитие и региональная политика в России" *Всероссийский экономический журнал ЭКО*, no. 4 (478), 2014, pp. 7-27.

⁴⁶ Ерофеев Николай Андреевич, and Сапунова Марина Викторовна. "Норматив и стандарт: (пост)советская трансформация" *Городские исследования и практики*, vol. 3, no. 4, 2018, pp. 7-11.

СНиП 10-01-94 юридически децентрализовал систему, введя в легальное поле нормативные документы субъектов Российской Федерации: ТСН (территориальные строительные нормативы), задачей которых как раз и был “учет социальных, природно-климатических особенностей, национальных традиций и экономических возможностей регионов России”⁴⁷. Несмотря на то, что инерция советского институционального наследия не преодолена до сих пор, снижение контроля из Москвы и введение региональных нормативов заложило основу для концентрации символической власти в руках региональных элит.

Таким образом, институциональные условия, созданные в 90ые благоволили к возникновению в регионах местной архитектуры, которую можно было бы назвать деколониальной как находящейся в региональном нормативном поле и являющейся продуктом регионального архитектурного заказа и производства. Институциональный этап формирования регионов создал возможности для начала символического этапа. Деколонизация архитектурного рынка дала возможность возникновению деколониальной архитектуры.

Деколониальная архитектура как инструмент символической политики

Архитектура и градостроительство всегда были важным оружием в символических сражениях за власть определять, формировать, контролировать социальные группы через производство их идентичности. Постсоветское пространство — очередная арена таких баталий, символической политики. Манифестация культурно-политических, регионалистских или этнических нарративов в пространстве городов по всей территории бывшего социалистического блока варьировалось от простого переименования улиц и сноса памятников до полной перестройки города, или даже строительство новой столицы⁴⁸. В России аналогичные процессы служили символическому формированию региональных идентичностей: как локальных, так и этнических.

Производство региона как коллективной общности возможно как через столкновение с “Другим”, так и через объединение вокруг общей идеи. Поэтому символическая работа деколониальной архитектуры в России двойственна. Во-первых, это доведение до сведения жителей региона и внешних наблюдателей факта существования региона как коллективного субъекта через производство визуальных внутренних сходств и внешних отличий (дифференциация)⁴⁹. Таким образом с помощью архитектуры один регион делался непохожим на другой, что было особенно важно для становления идентичности после десятилетий советской унификации. Во-вторых, это манифестация принадлежности региона к внешней над-региональной идентичности, демонстрация жителям региона и внешним наблюдателям образа будущего через производство визуальных сходств с “идейно близкими” внешними регионами (интеграция)⁴⁹. Таким образом с помощью архитектуры

⁴⁷ Прахова, Т. Н., Д. М. Сатаева, and Л. В. Урявина. "АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА." Редакционная коллегия (2015): 107.

⁴⁸ Diener, Alexander C., and Joshua Hagen. "From socialist to post-socialist cities: narrating the nation through urban space." *Nationalities papers* 41.4 (2013): 487-514.

⁴⁹ Замятина, Надежда Юрьевна. "Территориальные идентичности и социальные структуры." *Общественные науки и современность* 5 (2012): 151-163.

регион вписывает себя в новые глобальные альянсы. Кроме того, интеграционные практики позволяют оспаривать существующие границы региона, репрезентируя себя как часть Другого. Деколониальные архитектурные практики в России во многом являются приемами само-экзотизации, поскольку апеллируют в том числе к внешнему зрителю, однако основная аудитория все-таки находится внутри региона.

Здесь важно отметить гибридный характер деколониальных архитектурных практик. Ради символического производства региона, местные акторы часто прибегали к само-экзотизации, по-ориенталистски поверхностному взгляду на себя “извне” — что позволяло подчеркнуть собственную инаковость как Другого, Отдельного, или, наоборот, стать частью внешнего Другого. В этом смысле архитектура близка языковым практикам, которые изучают деколониальные лингвисты. Как мимикрия, о которой пишет Хоми Бхабха, помогала избежать ассимиляции колонизированным народам через произведённые колонизаторами символические отличия⁵⁰, так и деколониальная архитектура использует в качестве подрывных ориенталистские приемы. Далее на кейсах регионов России я рассмотрю разнообразные архитектурные практики дифференциации и интеграции.

⁵⁰ Баба, Хоми. "Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса (пер. с англ. Дмитрия Тимофеева)." Новое литературное обозрение 1 (2020): 29-37.

Глава 3. Деколониальные архитектурные практики регионов России

Дифференциация

Основная идея символической дифференциации — произвести или подчеркнуть некоторые общие уникальные свойства внутри региона, которые отличали бы его от Других⁵¹. Как и в случае производства этнической идентичности в постколониальных странах⁵², агенты производства региона уделяют особое внимание его до-колониальной, или до-советской истории. Большинство деколониальных архитектурных практик дифференциации можно поделить на пять следующих групп:

1. Контекстуализм. Построить связь с прошлым.

Именно за игнорирование местного контекста советский модернизм подвергался наибольшей критике еще до развала СССР, что было зафиксировано в “перестроечном” постановлении N 1058. Средовой подход как практика адаптации модернизма к локальности становился все более популярным среди советских архитекторов как, с одной стороны, протест против тотальной стандартизации и унификации⁵³, так и, с другой стороны, в качестве соответствия западным трендам постмодерна и критического регионализма. Будучи популярной среди молодых московских архитекторов и исследователей, таких как Глазычев⁵⁴, Гутнов, Асс, Высоковский⁵⁵, концепция реализовывалась и на практике. Контекстуализм и средовой подход лежали в основе проектов восстановления Ташкента после землетрясения московского архитектора Косинского в 70-ые и 80-ые⁵⁶. Однако, находясь в колониальном институциональном поле советской иерархии, такие проекты оставались по своей природе колониальными, являясь лишь стилистической заменой унификации на ориентализм в русле западного постмодерна. И лишь в 90-ые, в результате политической и институциональной деколонизации институтов, регулирующих региональную политику и архитектурную деятельность, контекстуализм расцвел как деколониальное “движение снизу” — став популярным инструментом

⁵¹ Замятина, Надежда Юрьевна. "Территориальные идентичности и социальные структуры." *Общественные науки и современность* 5 (2012): 151-163.

⁵² Patel, Ruchi. *Architecture and identity: A study of colonial and post-colonial architecture in India*. Diss. Iowa State University, 2021.

⁵³ Фахрутдинова И.А., and Ефимов Д.Д.. "Средовой подход в региональной архитектуре советского модернизма 1970-1980 гг. В проектировании Выставочного зала Союза художников ТАСХР в г. Казани, архитекторы: Г. А. Бакулин (руководитель авторского коллектива), Р. Х. Галеев, В. П. Мулюкин" *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*, no. 4 (42), 2017, pp. 59-67.

⁵⁴ Андриянова, Т. В. "Город и культура: проблема управляемости (по материалам работ ВЛ Глазычева)." *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент* 9.5 (2019): 207-216.

⁵⁵ Кияненко, Константин Васильевич. "Круг средового знания и его сегментация в теории архитектуры." *Academia. Архитектура и строительство* 3 (2019): 44-50.

⁵⁶ Малиновская, Елизавета Григорьевна. "Национальные школы XX века-социокультурные и профессиональные парадигмы формирования архитектуры столиц. Центральноазиатский контекст." *Academia. Архитектура и строительство* 3 (2020): 66-81.

манифестации инаковости региона не из Москвы, а именно со стороны региональных элит, как политических, так и архитектурных^{57 58 59}.

Среди множества контекстуальных практик характерным примером является Нижегородская архитектурная школа. Александр Харитонов, став в 1993 главным архитектором города и одновременно продолжая вести проектную и образовательную деятельность, сосредоточил в своих руках символическую власть. Он объединил ведущих зодчих региона (Пестов, Попов, Никишин, и др.) вокруг принципов воспроизводства масштаба дореволюционных зданий при новом строительстве, и использования стилистики купеческой эклектики, модерна и псевдо-русского стиля, характерных для дореволюционного Нижнего Новгорода⁵⁷. Работы нижегородских архитекторов в 90-ые являлись символической поддержкой и выражением позиционирования региона в качестве “рыночного флагмана” и “оплота свободной частной собственности” — этих идеологем политики регионального губернатора Бориса Немцова⁶⁰. Мобилизуя дореволюционную купеческую традицию, региональные элиты символически легитимизировали становление современной Нижегородской области как самостоятельно региона, отличающегося от остальных своим “духом предпринимательства”.

2. Коммеморация. Избирательно увековечить историю

Работа с созданием памятников как символическое переопределение идентичности также характерна для постколониальных и постсоциалистических обществ⁶¹. Продвигаемая в 80-ые архитектором Ерёминым концепция ретроразвития на волне де-колониционной градостроительной мысли позднего СССР была поддержана ведущими архитекторами: она предложила компромисс между новой застройкой, коммеморацией и воссозданием исторической среды⁶². В постсоветские годы воссоздание утраченных исторических зданий, строительство новых памятников национальным героям, как и наделение дореволюционной застройки статусом памятников архитектуры с их последующей реставрацией — все эти коммеморативные практики стали популярными инструментами политики идентичности региональных элит и в России⁶³. Памятники — эффективные

⁵⁷ Худин, Александр Александрович. "Контекстуализм как метод самоидентификации." *Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации* в 2015 году. 2016. 109-114.

⁵⁸ Махнин, А. А. "Приемы постмодернизма в современной архитектуре Ярославля." *Регионоведение* 4 (2006): 383-393.

⁵⁹ Орельская, Ольга Владимировна. "Контекстуализм в архитектуре Нижнего Новгорода рубежа XX-XXI веков." *Современная архитектура мира* 1 (2019): 34-52.

⁶⁰ Магомедов Арбахан Курбанович. "Политическая элита и политическая идеология. Региональные элиты и региональный политический вызов в посткоммунистической России" *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*, vol. 11, no. 2, 2011, pp. 61-71.

⁶¹ Штурба Е.В.. "Изменение концептуальных основ внешней политики российской Федерации в условиях глобализации (1991-1994 гг.)" *Наука и школа*, no. 3, 2008, pp. 79-80.

⁶² Лысая Дарья Александровна, and Чжан Чуньян. "Административно-правовой механизм комплексной реконструкции жилищного фонда исторических центров городов России" *Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета*, no. 1 (46), 2021, pp. 136-148.

⁶³ Богатова Ольга Анатольевна, and Гусева Елена Николаевна. "Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе российской Федерации на примере Ижевска и Саранска" *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, vol. 3, no. 4, 2019, pp. 409-429.

трансляторы объединяющей идеи и маркеры отличия, активно использовались для символической дифференциации региона.

Иллюстративным примером коммеморативной дифференциации является Старо-Татарская Слобода в Казани. Рядовая преимущественно деревянная дореволюционная застройка систематически сносилась под многоэтажное жилое строительство и в советские, и в постсоветские годы, но на волне постколониального роста национального самосознания именно Старая Татарская слобода в 1992 году получила статус архитектурно-исторической заповедной территории как символ возрождения этнической идентичности⁶⁴. К масштабному празднованию Миллениума (тысячелетия Казани) Слобода была реконструирована. Характерно, что на момент начала реконструкции деревянные дома Старо Татарской слободы не имели значимых визуальных отличий от любого другого района застройки города того же периода, поэтому при реконструкции ставилась задача не просто восстановления и ремонта отдельных зданий, но и “воссоздания целостной среды атмосферы татарского быта и традиционной культуры”, то есть производство “Татарской идентичности” в отдельно взятом районе⁶⁵. Приемы колористики и декора, используемые при реконструкции Слободы, не имели отношения к непосредственно этим зданиям, а являлись скорее результатом работы по поиску и созданию собирательного образа татарских способов украшения жилого дома⁶⁵. Так через декларативное сохранение исторического наследия были произведены символические этнические отличия.

На фоне этого кейса показательным выглядит разрушение Арских казарм. Типовой краснокирпичный военный городок, какие строились для размещения солдат по всей Российской Империи, был обречен, поскольку его символическая роль не соответствовала официальному видению формирования региона как татарского национального. Арские казармы служили скорее символом русской колонизации татар, и градозащитникам, отстаивавшим историческое наследие, не удалось склонить на свою сторону жителей и власти⁶⁶. Активное забвение — не менее важный инструмент в символической политике⁶⁷.

3. Активное забвение. Избирательно стереть историю

Символически “забывать” маркеры прошлого, которое не вписывается в официальный нарратив новой идентичности, в равной степени было свойственно и имперским, и постколониальным режимам. Так, следы немецкой застройки Кёнигсберга намеренно уничтожались

⁶⁴ Надырова Ханифа Габидулловна. "Проблема возрождения идентичности архитектуры Старо-Татарской слободы Казани" Историческая этнология, vol. 4, no. 2, 2019, pp. 255-263.

⁶⁵ Аитов Р.Р., and Афанасьева Е.А.. "Проблема реконструкции традиционной татарской колористики (на примере квартала № 205 Старо-татарской слободы)" Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета, no. 2 (32), 2015, pp. 13-23.

⁶⁶ Чернышева Любовь Алексеевна, and Хохлова Анисья Михайловна. "Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий" Журнал исследований социальной политики, vol. 19, no. 2, 2021, pp. 223-238.

⁶⁷ Diener, Alexander C., and Joshua Hagen. "From socialist to post-socialist cities: narrating the nation through urban space." Nationalities papers 41.4 (2013): 487-514.

советской властью как символы поверженного вражеского режима⁶⁸. Тем интереснее, что практика “активного забвения”, сокрытия уже в свою очередь советского прошлого, активно используется в постсоветской Калининградской области. Местное сообщество осуществляет символическое производство региона как постколониального субъекта с помощью кёнигсбергской идентичности, которая формируется с помощью в том числе стирания советского прошлого, что вызывает недовольство со стороны сторонников русского образа региона⁶⁹. Помимо планируемого сноса недостроенного модернистского Дома Советов, иллюстративной является масштабная реконструкция типового советского жилья с использованием символов немецкой и прусской эстетики. Избавление от продуктов советской унификации — эффективный прием символической дифференциации, производства отличий через архитектуру.

4. Историзм. Создать историю

Другим способом произвести символические отличия, не опираясь даже избирательно на существующую историческую память, является историзм — стилистическое заимствование архитектурных элементов из разных исторических эпох, популярный эклектический прием в мировом постмодернизме. Дальше других в использовании историзма зашли в республике Марий-Эл, а особенно в ее столице, Йошкар-Оле. Леонид Маркелов, авторитарный лидер региона, перестроил центр города согласно собственным вкусам и ценностям, совмещая эстетику итальянского ренессанса, готики, фламандской и древнерусской архитектуры. Несмотря на критику политики губернатора за персонализм в управлении и игнорирование любых других проблем, помимо символического строительства, произведенную уникальность региона отмечают и его жители, и внешние наблюдатели^{70 71}. Подобные практики историзма идут в одном русле с практиками активного забвения, скрывая десятилетия типового строительства за псевдоисторическими фасадами. Однако историцизирующие архитекторы часто прибегают к цитатам конкретных европейских практик, символически связывая регион с европейской культурой (пример — набережная Брюгге в Йошкар-Оле) — поэтому историзм можно отнести и к практикам интеграции, таким как оксидентализм.

5. Этнизация. Усилить национальную идентичность

Для национальных регионов манифестация этничности в городском пространстве в 90-ые стала главным приемом дифференциации. Для регионов, где титульная нация составляла большинство,

⁶⁸ Очеретяный, К. А. "Генеративный аспект семиотизации городского пространства (на примере Кёнигсберга/Калининграда)."

⁶⁹ Шульгин, ВН. "К «современной» истории Калининграда: чего добиваются немцы и их подручные в Калининграде?" Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX-XXI вв. 2021.

⁷⁰ Лобанова Анна Сергеевна. ""да, не в тему, но красиво же, красиво!": восприятие городского пространства жителями Йошкар-Олы" Журнал социологии и социальной антропологии, vol. 17, no. 4, 2014, pp. 124-135.

⁷¹ Лобанова, Анна Сергеевна. "" Безалкогольное пиво" или Европа по Йошкар-Олински: институциональный изоморфизм креативного пространства." Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований 5 (2014): 29-33.

этнизация архитектуры являлась логичным выражением общественного национального подъема и закреплением в камне национальных отличий, а вместе с ними и обретенной постколониальной автономии. Для регионов с преимущественно русским населением аналогичные приемы, кажущиеся контринтуитивными, могли служить скорее символической легитимацией произведенных границ и закреплением права региональной элиты на управление регионом. Так, ЕАО (Еврейская Автономная Область), находившаяся в советские годы в составе Хабаровского края, получила статус равноправного субъекта федерации лишь в 90-ые. Не смотря на свой национальный статус, доля титульного еврейского народа здесь составляет менее 2%, из-за чего регулярно поднимается вопрос о ликвидации автономии региона и возвращение его в Хабаровский край. Поэтому для местной элиты символическое производство региона как отличающегося является вопросом сохранения собственного статуса. Помимо поддержки еврейских культурных и религиозных институций, символической дифференциации с опорой на этничность служит и дублирование названий улиц на идише, и другие архитектурно-пространственные приемы, такие как повсеместно использование образа миноры в благоустройстве города, и установка памятника еврейскому писателю Шолому-Алейхему⁷².

Интеграция

Основная идея символической интеграции — произвести общие свойства региона, делающие его похожим на другой внешний регион, выступающий ориентиром, воплощением желаемого образа будущего или носителем близких ценностей и идей. В отличие от многих современных постколониальных обществ, вестернизированная глобализация воспринималась в постсоветских регионах не как угроза локальному, а как возможность самостоятельного выбора политических и экономических внешних партнеров с альтернативными бывшей метрополии полюсами силы⁷³. Создание в регионах символической глобальной или вестернизированной гомогенности было инструментом в том числе противостояния гомогенности советской, навязанной из Москвы. Интеграция зачастую сопутствовала дифференциации, поскольку производство внешних сходств региона с зарубежными странами, зачастую приносило в него и отличия от других регионов внутри России. Ключевое отличие этих практик в символической направленности вовне: если дифференциация в первую очередь ориентирована на восприятие региона как уникального Я, то интеграция, напротив, указывает на сходство региона с каким-то внешним Другим. Подобные деколониальные архитектурные практики интеграции можно разделить на пять групп в зависимости от “объекта устремлений”.

⁷² Бедерсон Всеволод Дмитриевич. "Шолом-алеихем и «Вынужденный еврейский национализм» в идентичности еврейской автономной области" Вестник Пермского университета. Серия: Политология, no. 2, 2013, pp. 98-103.

⁷³ Dixon, Megan L. "The Southern Square in the Baltic Pearl: Chinese ambition and “European” architecture in St. Petersburg, Russia." *Nationalities Papers* 41.4 (2013): 552-569.

1. Оксидентализм. Стать частью Запада.

Широко понимаемый Западный мир, бывший антагонистом Советскому Союзу в годы холодной войны, стал практически консенсусным ориентиром молодой демократической России, как среди политических элит⁷⁴, так и в широких общественных кругах⁷⁵. Притягательность для людей западного образа жизни и стиля потребления выражается в повсеместном распространении “европейской” символики в рекламе и брендинге: “Евроремонт” — показательный феномен такого рода. Апелляция к Европе и Западу — наиболее популярный сюжет в нейминге постсоветских жилых комплексов⁷⁶. Необходимость манифестации принадлежности региона к Глобальному, Западному, или Европейскому миру, породила множество архитектурных практик, которые я предлагаю называть оксиденталистскими (по аналогии с “ориентализмом” Саида). Оксиденталистская архитектура является стилистическим подражанием или полным воспроизведением популярных в странах Европы и США архитектурных приемов. До недавнего времени всю постсоветскую архитектуру было принято относить к оксиденталистскому копированию западного постмодернизма, однако в своей теории капиталистического романтизма мы отказались от такой упрощенной оптики. Тем не менее, в том или ином виде символическое утверждение вестернизированного глобализма, или “Западного пути” можно считать и в небоскребах Екатеринбург-Сити, и в Набережной Брюгге в Йошкар-Оле.

Европейское видение региона местными политическими, культурными элитами и общественностью порой вступало в конфликт с интернациональным глобализмом. Так, в Петербурге, идентичность которого исторически конституировалась как “Окно в Европу”, китайский застройщик под давлением общественности был вынужден изменить свой проект торгового центра “Жемчужная Плаза”. Изначально здание должно было быть выполнено в форме лотоса с небоскребом в центре — такой образ, разработанный китайскими архитекторами, должен был представлять новое положение Китая как глобального игрока на российском рынке. Однако представленные рендеры и позиционирование вызвало протест среди петербуржцев, и новый проект был выполнен уже финскими архитекторами в нейтральном духе, без каких-либо отсылок к китайскому происхождению проекта. Таким образом местное сообщество отстояло свою символическую власть в производстве региона как интегрированного в Европу⁷⁷.

2. Трансграничность. Объединиться с соседями.

Постколониальная “горизонтальность” Российской Федерации впервые в истории позволила регионам самостоятельно заключать внешние экономические и политические альянсы. В противовес имперской и советской вертикали, где вся внешняя власть находилась в руках Москвы, международное

⁷⁴ Штурба Е.В.. "Изменение концептуальных основ внешней политики российской Федерации в условиях глобализации (1991-1994 гг.)" Наука и школа, no. 3, 2008, pp. 79-80.

⁷⁵ Seliverstova, Oleksandra. "Keeping alive the “Imaginary West” in post-Soviet countries." *Journal of contemporary central and Eastern Europe* 25.1 (2017): 117-134.

⁷⁶ Девелоперское бинго, веб-сайт: <https://www.urbanus.ru/ng-ratings/2020-08-03/developerskoe-bingo-samyepopulyarnye-nazvaniya-zhilykh-kompleksov-v-rossii>

⁷⁷ Dixon, Megan L. "The Southern Square in the Baltic Pearl: Chinese ambition and “European” architecture in St. Petersburg, Russia." *Nationalities Papers* 41.4 (2013): 552-569.

партнерство с соседними государствами для приграничных регионов было важным способом выживать в дефицитные 90-ые годы, и давало толчок развитию в нулевые. Символическая апелляция к стране-соседу или стране-желаемому партнеру, заключалась в производстве визуальных сходств с ним, таким образом на внутренний рынок давался месседж “скоро мы будем жить как они”, а на внешний — “мы — такие же, как вы, инвестируйте в нас”. Работало это и в обратную сторону — установленное экономическое партнерство привлекало в регион не только средства контрагента, но и его архитектурные и строительные технологии и бизнес, повышая символические сходства.

Иллюстративным примером таких горизонтальных отношений является Чукотка. Удаленная от остальных регионов страны, в советские годы Чукотка снабжалась посредством “северного завоза” — транспортировки грузов на кораблях в короткий сезон по Северному морскому пути. Типовые крупноблочные и панельные здания, как и деревянные бараки, собирались из привезенных таким образом строительных материалов из центральных регионов СССР. Разрушение советской вертикали сломало эти логистические цепочки. Возглавляемая Абрамовичем постколониальная Чукотка в 90-ых и 00-ых переориентировала свою логистику на соседние Канаду и США. Ветхое советское жильё в чукотских селах заменялось на доставленные из Канады сборные каркасные коттеджи⁷⁸. Массовый характер реконструкции привел к тому, что многие чукотские сёла стали неотличимы от современных инуитский и эскимосских поселений на Аляске и в канадском Нунавуте. Представители коренных народы Америки и Чукотки, получившие в 90-ые право двустороннего безвизового въезда, имели возможность теперь наблюдать не только культурные, но и архитектурные сходства своих регионов: и хотя “канадский” уровень жизни и демократии в России так и не был достигнут, канадские дома на Чукотке стали символом устремлений в сторону его достижения.

3. Панэтнизм. Объединение по этническому признаку.

Постсоветский подъем этнического национализма проявлялся не только в производстве уникальности региона за счет использования этнической символики, но и в апелляции к родственным народам. Рост панславистских, панфинно-угристских, пантюркистских, панмонголистских идей на постсоветском пространстве был обусловлен в том числе и политикой национальных государств по объединению родственных народов в диаспоры и международные этнические сообщества. Такая международная политика с одной стороны повышала статус национального государства как “национального дома”, с другой стороны, создавала независимую от Москвы внешнеполитическую субъектность национальному региону⁷⁹.

Так, экономический рост в постсоциалистической Монголии и Внутренней Монголии КНР, происходивший на фоне экономических трудностей в Бурятии, стимулировал региональные элиты к

⁷⁸ Смирнов, Н. А. "Композиция геокультур Арктики: новые основания геокультурного анализа." Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. М.: Издательство “Канон+” РООИ “Реабилитация (2017): 38-80.

⁷⁹ Хан, В. С. "Корейцы центральной Азии: прошлое и настоящее" МБА (2014)

повышению контактов на этом внешнеполитическом треке⁸⁰. Позиционированию Бурятии как части “монгольского мира” способствовала и символическая политика интеграции: повсеместное использование монгольского орнамента и образа бурятской и монгольской национальной шапки “Малгай” в башнях и фронтонах зданий. В символическом производстве региона Бурятия пошла не просто по пути создания отличий от соседней Иркутской области: эти отличия являются в том числе и визуальными сходствами с символикой соседней быстрорастущей экономики.

4. Десекуляризация. Объединится вокруг общей веры.

Свобода вероисповедания, обретенная гражданами СССР после долгих лет воинствующего атеизма, привела к возрождению религиозных движений и по всей России. Мобилизация религии для укрепления этнических групп и формирования гомогенных идентичностей — типичный сюжет постколониального становления национальных государств⁸¹, ставший актуальным и для российских регионов, особенно для национальных республик⁸². Религиозные символы, включая архитектуру, были призваны не только сплотить регион вокруг общей идеи и эстетики, отличающих его от других, но и артикулировали региональную принадлежность к более крупным надгосударственным религиозным альянсам.

Так, в 90-х началось активное культовое строительство в Калмыкии. Буддистские храмы и ступы воздвигались во всех городах и крупных селах республики. Буддистская эстетика в средовом дизайне, оформлении государственных зданий присутствует даже в районах с преимущественно русским этническим составом. В отсутствии собственных архитектурных и градостроительных традиций, буддистская архитектура стала безальтернативным средством производства символических различий в типовой застройке Калмыкии⁸³. Однако десекуляризация была не только инструментом дифференциации, но и инструментом интеграции. В 1993 году будущий президент республики Кирсан Илюмжинов во время избирательной кампании опирался в том числе на позиционирование Калмыкии как центра буддистского мира: в республику был приглашен Далай Лама, предлагалось предоставить ему политическое убежище, продвигался проект ламаистского центра по типу Ватикана в Риме⁸⁴. После избрания Илюмжинов проводил активную внешнюю политику, в частности, запустил программу репатриации калмыков из Синцзянь-Уйгурского автономного округа Китая. Буддистская символика демонстрировала миру амбиции Калмыкии, и открытость к преследуемому в Китае тибетскому ламаизму — таким образом укрепляя статус региона и позиции его главы.

⁸⁰ Базаров Борис Ванданович. "К проблеме государственности монгольских народов: судьба бурятской автономии" Власть, no. 8, 2013, pp. 004-008.

⁸¹ Fuccaro, Nelida. "Ethnicity, state formation, and conscription in postcolonial Iraq: The case of the Yazidi Kurds of Jabal Sinjar." International Journal of Middle East Studies 29.4 (1997): 559-580.

⁸² Амоглонова, Д. Д. "Бурятский шаманизм и политика десекуляризации общественного сознания." Этническое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: Сб. статей/Отв. Ред. ВИ Харитоновна.-М.: ИЭА РАН (2013): 19-29.

⁸³ Гучинова, Эльза-Баир Мацаковна. "Элиста: национальные символы в пространстве города." Антропология города 1 (2013): 43.

⁸⁴ Биография Кирсан Илюмжинов. Веб-сайт: <https://www.peoples.ru/state/governor/ilumzhinov/index2.html>

5. Суверенизация. Стать похожим на независимое государство.

Связь между символическим и институциональным формированием региона двусторонняя. С одной стороны, эта связь выражается в желании институтов укрепить собственную легитимность и быть признанными через символическое производство. С другой стороны, эта связь осуществляется посредством перформативной способности символов конструировать институциональные ожидания. Потому, если для становления постколониальных национальных государств символическая политика была очевидным инструментом укрепления и декларации собственного суверенитета, то для регионов России, получивших автономию, но остающихся в составе федерации, производство государственной символики могло быть направлено как на укрепление и декларацию собственной автономии, так и на дальнейшее расширение этой автономии вплоть до обретения полного суверенитета. В любом случае, унаследованные от СССР бюрократические институты, дискредитировавшие себя как колониальные исполнители воли Москвы, в новых условиях остро нуждались в символической “отмывке” — и символы государственного суверенитета, присущие независимым национальным государствам, были идеальным решением. В этом списке — конституция, гимн, герб, и столица⁸⁵. Именно в производстве “столичности” из регионального центра архитектура играла ключевую роль.

Строительство новой столицы — частый случай подобной символической политики в постколониальных государствах⁸⁶, применялся и в российском регионе: город Магас, построенный с нуля в Ингушетии. Интересным является и производство столичных символов в Саранске, ставшим столицей республики Мордовия. В этом городе репрезентации нового статуса служит как форма, так и функция⁸⁷. С одной стороны, в постсоветских постройках наряду с этнической мордовской символикой широко используются элементы сталинского ампира: масштаб, ордерная система и даже подражание силуэту сталинской высотки. С другой стороны, некогда типичный провинциальный город получает все признаки верхней ступени советской городской иерархии: драматический театр, театр музыки, филармонию, республиканский музей, дом народного творчества — в постсоветском Саранске символическая функция зданий берет верх над любой утилитарностью или экономикой. Эту практику можно отнести к интеграционным, поскольку с помощью подобных архитектурных интервенций создавались сходства главного регионального города с образом столицы, наиболее очевидным примером которого для постсоветского пространства являлась Москва.

⁸⁵ Мурзина Д.Ш.. "Роль символов и ритуалов в мифологизации сознания жителей регионов России" Вестник Казанского технологического университета, vol. 17, no. 24, 2014, pp. 382-386.

⁸⁶ Schatz, Edward. "When capital cities move: The political geography of nation and state building." (2003).

⁸⁷ Богатова, Ольга Анатольевна, and Елена Николаевна Гусева. "Визуальные репрезентации социальной идентичности г. Саранска в качестве столицы Республики Мордовия в городских публичных пространствах." Огарёв-Online 14 (135) (2019): 8.

Глава 4. Вместо стилей: региональные символические режимы

Разумеется, предложенное деление деколониальных архитектурных практик не является жестким: в большинстве регионов они сосуществовали, поддерживая друг-друга, или вступая в противоречие. Горизонтальность страны в 90-ые способствовала разнообразию региональных политических режимов, соответственно и символическая политика в них была различна. Говорить о некоторых единых региональных стилях в 90-ые и 00-ые так же невозможно: в одних регионах архитектурные практики не имели единого вектора, являясь скорее результатом борьбы элит за символический капитал как власть определять образ региона, а в других — были подчинены общему канону. Для классификации деколониальных региональных архитектур я предлагаю использовать понятие “символические режимы”⁸⁸, которые варьируются от абсолютно плюралистического, для которого характерно максимальное разнообразие акторов и применяемых ими архитектурных практик, до абсолютно монополистического, в котором архитектурная деятельность наиболее гомогенна. Символический режим — тип региональной символической политики, в котором различные акторы используют различные архитектурные практики. Символический режим определяется количеством агентов символической политики и разнообразием их взглядов. В зависимости от типа символического режима в регионе могут превалировать те или иные типы деколониальных архитектурных практик.

Количество агентов символической политики

Отношение между политическим и символическим режимом в регионе не однозначно. С одной стороны, внутренняя архитектурная гомогенность была возможна в регионах с авторитарным политическим режимом, сконцентрировавшим в своих руках всю полноту символической власти. С другой стороны, гомогенность могла возникнуть и в демократических регионах, внутри чьих различных групп элит существовал консенсус относительно образа региона. При этом, политический режим не всегда определяет количество агентов символической политики. Символическую политику не следует также рассматривать как непреложную часть деятельности региональной власти, скорее, это набор практических инструментов, который может быть мобилизован различными акторами для решения своих задач, и администрация совершенно не обязательно будет в их числе. Поэтому авторитарный лидер в регионе мог устранить влияние на архитектуру, сохранив относительный символический плюрализм для других элит в своем регионе, в то время как в демократических регионах некоторые группы элит, объединенные общей идеей региональной идентичности, могли создать символическую монополию. Таким образом, помимо типа политического режима, количество агентов символической политики определяет еще и количество элитарных групп.

В условиях постсоциализма региональными элитами, помимо политической, становятся в первую очередь экономические агенты, обладающими возможностью влиять на формирование региона

⁸⁸ Борисова, Надежда Владимировна. "Городские политические режимы и пространство символической политики." Вестник Пермского университета. Серия: Политология 4 (2010): 48-55.

если не политически, то через ведение бизнеса и финансирование культуры⁸⁹. Предприниматели, даже не имея политических рычагов, могут быть заказчиками строительства — а значит, выступать в качестве агентов символической политики. Поэтому экономические показатели, такие как инвестиционная привлекательность, валовый региональный продукт, скорее укажут на количество символических агентов. Более “богатый” регион будет иметь больше агентов, а более “бедный” — меньше, вне зависимости от типа политического режима в нем. В менее экономически развитом регионе вероятность захвата “символической власти” одной из групп растёт просто из-за меньшего количества конкурирующих групп.

Разнообразие взглядов агентов символической политики

Какие-то регионы были произведены как субъект впервые после распада СССР, какие-то обладали многовековой историей становления и де-колониальной борьбы. Соответственно, в отдельных случаях постсоветский институциональный этап формирования региона предшествовал символическому, а в других — напротив, следовал за ним. Таким образом, символическая политика в различных регионах начиналась из разных точек: где-то региональная идентичность конструировалась с нуля, а где-то лишь укреплялась и развивалась существующая. Таким образом, критериями сильной региональной идентичности может служить “глубина” истории становления региона, наличие у него опыта государственности или автономии в прошлом, географическая удаленность и однородность (осязаемость границ), этническая и культурная гомогенность⁹⁰. Причем этничность как сильная идентичность выступает скорее в национальных республиках с доминирующим нерусским населением — большая этническая сплоченность наблюдается в постколониальных группах, находившихся в статусе “колонизированных”, тогда как у “титульного” народа бывшей империи идентичность, напротив, становится более открытой и гибкой⁹¹. Важным маркером, указывающим на длительность становления, региона является возраст его градостроительной истории — региональный центр, столица является местом сосредоточения в том числе символической власти и “облеченных в камень” регионалистских идей. Если столица региона строилась недавно, в советское время, то для региона скорее будет характерно отсутствие “символического опыта” в виду преимущественно типового характера построек столицы. Учитывая это, будем считать, что разнообразие взглядов агентов символической политики определяется отсутствием в регионе давно сформированной сильной идентичности, что скорее характерно для “новых” регионов, только ступивших на этап символического формирования. И наоборот, в “старых” регионах с сильной идентичностью агенты скорее будут иметь символический консенсус.

⁸⁹ Лапина, Н., and А. Чирикова. "Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор." (2000): 1-200.

⁹⁰ Keating, Michael. The new regionalism in Western Europe: Territorial restructuring and political change. Cheltenham, UK: E. Elgar, 1998. P 10.

⁹¹ AlSayyad, Nizar. (1995). From Vernacularism to Globalism: The Temporal Reality of Traditional Settlements. Dwellings and Settlements Review 7, no. 1. pp. 13-24.

“Возраст” региона как идеи и практики его формирования таким образом определяет доминирующий тип архитектурных практик, следующих за институциональным “обретением” автономии. Агенты в “старых” регионах будут более склонны к использованию инструментов дифференциации, создающих, усиливающих и подчеркивающих их уникальность и отличие от других, таким образом как-бы “завершая” символическое формирование на основе предыдущего опыта. Для “новых” регионов более характерны практики интеграции, связанные с поиском и последующим присвоением символических оснований извне.

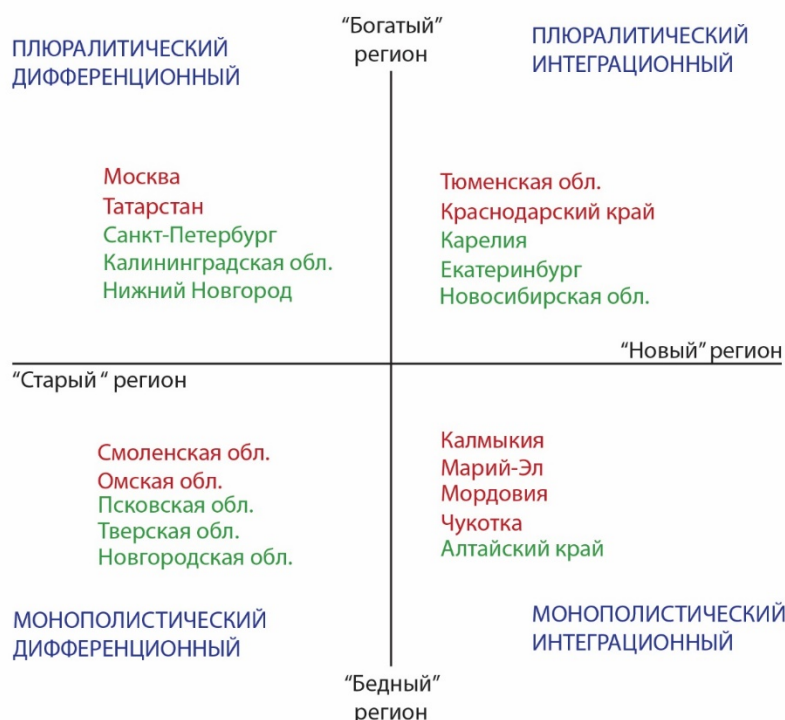

Рисунок 1. Карта символических режимов на 2001 год. «Возраст» региона определён по году основания столицы, менее 300 лет — «Новый», более — «Старый». «Богатство» региона определяется через GDP per capita, красным шрифтом выделены авторитарные режимы, зеленым — демократические, согласно индексу демократии фонда Carnegie.

Четыре символических режима

Таким образом, можно выделить 4 символических режима (рис 1.).

1. Плюралистический-дифференционный. Для этого режима свойственна множественность акторов символической политики, которые преимущественно инвестируют в производство региональных отличий. К такому режиму относятся в основном “богатые” регионы с долгой историей символического производства. Характерным примером региона с плюралистическим-дифференционным режимом является Петербург. Архитектура 90ых и 00ых в этом городе разнообразна, тем не менее наиболее популярными были практики контекстуализма, историзма и коммеморации. Символическая политика в городе была направлена на сохранение и подчеркивание его уникальности.

2. Плюралистический-интеграционный. Для этого режима свойственна множественность акторов символической политики, которые преимущественно инвестируют в производство глобальных сходств. К такому режиму относятся в основном “богатые” регионы, не имеющие долгой символической истории. Акторы в них не склонны обладать консенсусом относительно образа региона, поэтому архитектура в них очень разнообразна, однако доминирующими скорее являются практики интеграции: оксидентализм, трансграничное партнерство, десекуляризация. Характерным примером такого режима являлась Карелия. Символическая политика в регионе была направлена преимущественно на производство сходств с соседней Финляндией.

3. Монополистический-дифференциальный. Для этого режима характерно доминирование малого количества акторов символической политики, которые инвестируют преимущественно в производство региональных отличий. К такому режиму относятся в основном “бедные” регионы с небольшими экономиками, но богатой историей. Новая архитектура в них достаточно однообразна и по причине небольшого количества заказчиков и застройщиков, и по причине консенсуса насчет образа региона у них. Характерный пример — Псковская область, где большинство сооружений постсоветских лет сооружены в практиках историзма и контекстуализма. Символическая политика в регионе была направлена на укрепление существовавших в до-советское время отличий.

4. Монополистический-интеграционный. Для этого режима свойственно доминирование малого количества акторов символической политики, которые инвестируют преимущественно в производство внешних сходств. К такому режиму относятся в основном “бедные” регионы, не имеющие долгой символической истории. В основном, это молодые национальные республики со смешанным этническим составом и авторитарной властью, впервые получившие значимую автономию лишь в постсоветские годы. Символическая политика в них направлена в основном на укрепление собственной власти автократа через, с одной стороны, мобилизацию этнических символов, но, с другой стороны — выстраивание символических сходств с национальными суверенными государствами. Типичный пример такого режима — Мордовия, где использование национального орнамента сопровождало практики суверенизации — строительство помпезной региональной столицы.

Разумеется, символические режимы не являются ни дискретной, ни константной категорией. Как и политические, они — продукт постоянной борьбы за власть, в данном случае за символическую власть диктовать своё определение региона его жителям и внешним наблюдателям. Особенно острая символическая борьба происходила в плюралистических режимах, внутри которых акторы конкурировали и с помощью интеграционных, и с помощью дифференциальных практик. Такая конкуренция происходила и внутри архитектурных заказов, и на архитектурных конкурсах, и в архитектурной критике, и на площадях. Внутри монополистических режимов, ввиду ограниченного количества акторов, борьба была менее ожесточенной, и велась даже не столько за конкретные образы, сколько за преодоление символической монополии. Тем не менее, ключевая особенность архитектурных символических баталий в том, что они происходили подавляющим образом внутри региона, между региональными акторами, без значимого влияния центра федерации, что позволяет говорить о них как о важном постколониальном феномене.

Глава 5. Выводы

1. Постсоветская региональная архитектура деколониальна, поскольку поддерживала формирование субъектности регионов. Произошедшую после распада СССР децентрализацию России многие называют неконтролируемой, анархичной, фиктивной, однако принятые Горбачевым, и, в последствии, Ельциным решения являлись действительной деколонизацией. На уровне законов и институтов регионы страны, как субъекты федерации, так и отдельные города и муниципалитеты, обрели широкую политическую, экономическую и культурную автономию. Внутри регионов с начала девяностых начались постколониальные процессы реализации и укрепления обретенных прав, важным из которых было символическое формирование регионов: репрезентация институциональных перемен в воспринимаемой реальности. Архитектура и градостроительство стали важнейшим инструментом символического формирования регионов. Об архитектурных практиках, укрепляющих институциональную и символическую субъектность регионов, мы можем говорить как о деколониальных.

2. Описывать постсоветскую архитектуру в регионах следует не через «стили», а через «символические режимы» и «деколониальные практики». Деколониальная архитектура являлась следствием соответствующих институциональных перемен в том числе и в сфере архитектурной деятельности, создавших в регионах собственные архитектурные рынки и децентрализовавших символическую политику в стране. Деколониальная архитектура являлась инструментом региональной символической политики, как борьбы за производство региональной идентичности и навязывание этого образа внутри региона и вовне. Это производство осуществлялось через множество разнообразных архитектурных практик, которые можно условно разделить на дифференциацию — создание отличий региона от других, и интеграцию — создание сходств региона с другими. В зависимости от экономической и политической ситуации, в регионах складывались различные символические режимы — плюралистические и монополистические, которые описывают количество акторов символического производства и доминирующие типы применяемых ими архитектурных практик. Символические режимы являлись аренами постоянной конкуренции за символическую власть в регионе.

3. Деколониальная архитектура поддерживала “горизонтальность” России. Вклад архитектурных практик в постколониальную децентрализацию России нельзя недооценивать. В различных символических режимах за первые полтора постсоветских десятилетия разнообразные архитектурные ландшафты. За короткое время регионам удалось переломить последствия советской унификации. Постколониальные архитектурные практики вернули в города по всей стране разнообразие, укрепили горизонтальную структуру страны. Символическое производство идентичности способствовало росту политизации в региональных обществах. С одной стороны, оно мобилизовало в людях гражданственность, как запрос на участие в управлении регионом,

принадлежность к которому была принята. В других случаях, оно мобилизовало на сопротивление навязываемой идентичности, что означало включение в символическую борьбу. И, наконец, перформативность символов работала на создание обществе определенных ожиданий от региона: если мы называемся республикой, у нас есть столица, герб, и президент, следовательно, мы можем сами формировать и экономические, и внешнеполитические альянсы — символическая политика укрепляла институциональную автономию регионов. Перераспределение символической власти на уровень регионов способствовало буйству форм и визуальных языков, рождавшихся в символической борьбе, развитию региональных архитектурных школ.

Более того, в контексте начавшейся с приходом Путина к власти постепенной централизации, созданные и артикулированные символические отличия стали инструментом отстаивания институциональной автономии регионов. Проекты объединения Адыгеи с Краснодарским краем, Еврейской автономной области — с Хабаровским, Ненецкого автономного округа — с Архангельской областью, были отклонены на фоне протеста в обществе и элитах, и символическое производство в этих случаях поддержало институциональное. По мере ликвидации политической и экономической автономии региональных элит именно символы, в частности, архитектура, оставались одним из немногих полей для их реальной субъектности.

4. Деколониальная архитектура не только способствовала уничтожению имперской системы угнетения, но и поддерживала новые авторитарные иерархии. Деколониальную архитектуру нельзя считать “абсолютным благом”, во многих регионах она способствовала усилению местного авторитарного режима. На примере архитектуры видно, что деколониальные трансформации не обязательно приводят к эмансипации жителей “освободившегося” от имперской власти региона, но обязательно приводят к перераспределению власти в пользу региональных элит. Разрушение иерархии центр-колония и связанных с этим политик угнетения может приводить к конструированию иерархий внутри бывших колоний и возникновение новых форм угнетения. Так, с помощью символического производства региональных идентичностей местные элиты пытаются навязать свою гегемонию в определении группы, часто лишая репрезентации альтернативные группы и идентичности. Деколониальная архитектура часто несет в себе черты ориентализма, упрощающего обобщения, стирание внутрирегионального разнообразия и сложности. Прибегая к само-экзотизации, региональные элиты могут уничтожать архитектурное наследие, стирая не соответствующие конструируемому образу пласты истории.

5. Архитектор — агент производства и оспаривания региональной идентичности, а не независимый её наблюдатель. Наконец, осмысление постсоветской региональной политики символического производства позволяет критически отнестись к современному пониманию архитекторами и критиками местной идентичности. Региональная идентичность зачастую трактуется ими как некая константа, имеющая доступную для внешнего наблюдателя физическую форму,

которую можно считать и воспроизвести, или “раскрыть”⁹². Как я стремился показать в этом исследовании, то, что можно называть идентичностью — продукт постоянной борьбы внутри символической политики, и архитектор здесь не является наблюдателем, а активным участником, занимая в своей деятельности одну из сторон. “Считывая” идентичность, архитектор конструирует ее, играя свою роль актора внутри регионального символического режима.

Перспективы дальнейшего исследования

С приходом Владимира Путина к власти началась постепенная ре-централизация России. В 2004 году были отменены прямые выборы глав регионов. Реальная политическая и экономическая автономия регионов постепенно сворачивалась. Сегодня ученые и обозреватели указывают на ре-колониальный характер Российского государства, подчеркивая восстановление вертикали власти, внешнюю экспансию, силовое подавление контр-гегемонного дискурса и сверхцентрализацию экономической и региональной политики⁹³. У ре-колонизации было свое символическое измерение, и роль архитектуры в этих процессах также необходимо исследовать. Транзит от постколониализма к ре-колониализму не только получил свое выражение в архитектуре, но и сама архитектура также активно поддерживала эти политические процессы. В дальнейшем исследовании я хочу раскрыть ее такую роль.

Для этого в перспективном исследовании я хочу обратить более пристальное внимание на дискурс в архитектурной практике и архитектурной критике. Как именно архитекторы принимают решения, какие концепции и аффекты ими движут при конструировании символов? Когда и для чего они мобилизуют региональную идентичность? На чем строится язык архитектурной критики, какую роль он играет в символической борьбе? На эти вопросы я хочу ответить в дальнейшем. Отдельно важно проследить здесь взаимовлияние классовых и (пост)колониальных иерархий.

Наконец, критическое осмысление деколониальных и ре-колониальных архитектурных практик в постсоветской России позволит поразмышлять о перспективах нового этапа де-колонизации. Какие институциональные формы регулирования символической политики позволят соблюсти баланс между символическим производством общероссийской гражданской идентичности и региональными образами? Какой должна быть символическая политика и архитектурная практика, чтобы не только деконструировать имперские иерархии, но и не создавать новые региональные, а способствовать эмансипации жителей регионов? Как, борясь с унификацией в масштабах государства, не производить ориенталистскую унификацию внутри регионов? И какой язык де-колониальной архитектурной практики и критики необходим, чтобы препятствовать укреплению вертикали власти и поддерживать горизонтальность? Надеюсь, в будущем мной и другими исследователями будут даны ответы на эти вопросы.

⁹² Есаулов Георгий Васильевич. "Об идентичности в архитектуре и градостроительстве" *Academia. Архитектура и строительство*, no. 4, 2018, pp. 12-18.

⁹³ Murawski, Michał. "Falshfasad: Infrastructure, materialism, and realism in wild-capitalist Moscow." *American Ethnologist* 49.4 (2022): 461-477.